

мога, который своею несправедливостью довел в Константинополе генуэзского купца Гаффоре до такого ожесточения, что он превратился в страшнейшего морского разбойника своего времени. Когда Стрифнос вступил в парфенонскую церковь в сопровождении своей жены, сестры порочной императрицы Ефросинии, чтобы принести Богоматери от себя дар, архиепископ и к нему обратился с напыщенной речью. Об Афинах следует всегда вспоминать, внушал Акоминат, как о блестящем и преисполненном славе городе, который некогда еще Пиндар назвал столпом Греции. Ныне же единственное богатство Афин сводится к таинственной святыне церкви Пресвятой Девы Марии, ибо все прочее обратилось в кучу развалин.

Стрифнос видел, однако же, в Пирее даже купеческие суда, ибо Пирей никогда не оставался без торговых сношений, почему в императорских хризубуллах, обращенных к Венеции, Афины прямо именуется портовым городом, хотя тамошняя торговля не могла быть значительной и ограничивалась каботажными сношениями лишь с греческими же городами¹. Вообще же византийские авторы единственно Пирей называют гаванью, Мунихийская же и Фалеронская гавани никогда более и не упоминаются. Быть может, Стрифнос не без злостной насмешливости сравнил Афины с Константинополем, именно по поводу примеченных им в городской гавани судов, потому что архиепископ впоследствии отписал адмиралу письмо, преисполненное негодования за насмешливое сравнение. Акоминат заверяет Стрифноса, что ни Афины, ни прилежащая к ним область не знает ни земледелия, ни скотоводства; что там отсутствуют и шелковые фабрики; что Афины богаты лишь морскими разбойниками, которые опустошают край вплоть до самых гор, и таким образом то самое море, которое некогда способствовало благосостоянию города, теперь приносит ему гибель. Он умоляет Стрифноса не давать веры завистникам, которые клеветают и на него, архиепископа, и на афинян. Впрочем, под неблагоприятными

¹ Акоминат, впрочем, заметил однажды в Пирее торговые суда, прибывшие из Монебазии II, 137.